

— Ты что, совсем ошалела? Что это за взгляд такой? А ну, отвечай, что такое уровень страха?

Гу Юй лишь слегка дернула уголок рта, храня молчание. Какой еще уровень, какой страх? Она об этом имела представление не больше, чем о квантовой физике.

Мужчина средних лет скрестил руки на груди и насмешливо посмотрел на нее:

— Ты что, спала, пока я все это объяснял?

Его взгляд внезапно стал тяжелым:

— Постой-ка. А ну скажи, ты хоть помнишь, как меня зовут?

Гу Юй окинула его безразличным взглядом и чуть нахмурилась. Да откуда ей знать...

— Ну ты даешь, девица. Снимаю шляпу. — Мужчина поднял вверх большой палец. — Ты просто уникум.

Видя, что Гу Юй по-прежнему сидит с каменным лицом, никак не реагируя на его слова, мужчина цокнул языком и произнес:

— Запоминай: меня зовут Цинь Сань. Как именно ты это запомнишь — неважно, но если завтра я спрошу, а ты не сможешь произнести эти два звука, я с размаху пну твой стул так, что у него отлетят все три оставшиеся целыми ножки.

Гу Юй на мгновение помрачнела и кивнула, показывая, что поняла. В конце концов, герою можно проиграть, но ломать ее стул — это уже перебор.

Впрочем, про себя она не могла не съязвить: надо же, назвался таким заурядным именем, а ведет себя так, будто это что-то невероятно гордое и пафосное. Она еще не знала, что в этом Городке Призраков, где каждую ночь кто-то бесследно исчезает, обладание собственным именем значит куда больше, чем кажется.

Время текло незаметно, наступил вечер.

Гу Юй сидела в заросшем сорняками дворике, рассеянно глядя перед собой. В пальцах она крутила два сухих, почти черных листа, которые слегка подрагивали от легкого ветерка. Это были одни из тех самых трав, которые в начале «урока» растолок Цинь Сань. По науке они назывались красными сухоцветами, но, сколько бы Гу Юй ни вглядывалась при тусклом свете луны, никакой красноты в них не находила.

После окончания занятий Цинь Сань перед тем, как идти готовить ужин, выдал каждому по два таких листа и по маленькому молоточку, приказав к утру закончить обработку. По сути, он заставил их заниматься ерундой — сидеть и колотить молотками по листьям.

И это были не единственные трофеи. Перед уходом Гу Юй прихватила еще и листик травы-паразита, покрытый черными точками, от которых у любого, кто страдает трипофобией, случился бы припадок. Сейчас этот листок тихо лежал у нее в кармане.

Вокруг стоял непрекращающийся звон молоточков, от которого у Гу Юй уже начинала раскалываться голова. Около десятка подростков, ровесников Гу Юй, облюбовали себе места во дворе и с воодушевлением принялись за работу.

— Покраснел! Покраснел! — вдруг радостно закричал кто-то.

Этот ликующий тон показался Гу Юй до боли знакомым — точно так же в прошлой жизни радовались друзья в общежитии, когда кому-то из них выпадал редкий персонаж в игре. Все во дворе тут же замерли и обернулись на голос.

Тот самый паренек, который на уроке уступил Гу Юй место, теперь бережно держал в ладонях горстку крошек. Черные сухие листья на его ладони теперь отливали едва заметным темно-красным цветом.

Гу Юй подумала: а ведь старается, чертяка...

Кто-то издал жалобный стон и пробормотал:

— Похоже, сегодня тебе снова достанется два паровых хлебца.

Паренек не ответил, а перевел взгляд на Гу Юй:

— Эй, старшая, а у тебя как дела? Что случилось?

Гу Юй опустила глаза на свои два нетронутых листа, затем на молоток, который она небрежно отбросила в сторону, и, не меняясь в лице, отвела взгляд.

— Да ладно, старшая, ты что, опять спала? — удивленно спросил парень, а затем с облегчением добавил: — Ну и слава богу, теперь можно не бояться, что ты отберешь мою порцию.

Гу Юй его не слушала. Она размышляла над фразой о «двух хлебцах» и в душе зародилось нехорошее предчувствие. Этот тон, полный зависти, намекал на то, что съесть два хлебца за один присест здесь — это какая-то роскошь.

Это никуда не годится.

Даже если сложить обе ее жизни, сегодня она съела лишь миску соевого молока и пару палочек ютяо. Она могла смириться с попаданием в другой мир — в конце концов, в прошлой жизни у нее никого не было, — но она не могла смириться с голодом. Это заставляло ее чувствовать себя так, будто она здесь вовсе не «живет».

Она подцепила носком ботинка лежавший рядом молоток. Положила перед собой два сухих листа, глубоко вздохнула и крепко сжала рукоятку.

Секундой позже по двору разнесся резкий, оглушительный удар.

Паренек, который только что довольно ухмылялся, инстинктивно схватился за уши и поморщился от боли. В ушах у него зазвенело — казалось, Гу Юй ударила молотком прямо по его барабанным перепонкам.

Гу Юй сидела с каменным лицом, хотя ее предплечье слегка дрожало. Черт, промахнулась. Она взглянула на плитку под ногами: двор был почти полностью засыпан голой землей, и лишь кое-где сохранились остатки покрытия. Своим ударом она выбила в плитке небольшую ямку, а листья, хоть и не пострадали, разлетелись в стороны.

Она дернула глазом: только бы с нее не потребовали возместить ущерб. Хуже того, до ее носа донесся манящий запах еды. Ужин готов.

Гу Юй смотрела на свою порцию.

Перед ней стояла небольшая миска, а рядом лежал сухой кусок чего-то, отдаленно напоминающего паровой хлебец. Это был весь ее ужин. Миска была щербатой, а рис в ней выглядел крайне сомнительно: если выразаться вежливо — зернышко к зернышку, а если прямо — это была жидкая вода, в которую для вида бросили щепотку риса.

Но еще хуже выглядел этот «хлебец».

Гу Юй осторожно взяла его в руки и сразу почувствовала неладное. Она поднесла почерневшую лепешку ко рту, откусила, но зубы даже не оставили следа. Не веря в происходящее, она сжала хлебец пальцами — по ощущениям он был как камень, который полчаса продержали в раскаленной печи.

Она невольно огляделась. Тот самый паренек, который за свою усердную работу получил два хлебца, сейчас вцепился в один из них обеими руками и грыз его с таким остервенением, что, казалось, у него напрягались все мышцы лица.

Цинь Сань сидел во главе стола и ел чуть более цивилизованно, но и он был вынужден вести с хлебцем настоящую войну. Гу Юй украдкой посмотрела на девушек неподалеку: те перед едой окунали хлебцы в горячую воду... ну, или в горячую кашу, но даже так жевали их с огромным трудом.

В желудке болезненно заурчало. Голод был настолько силен, что она не могла заставить себя отложить эту еду. Поколебавшись, она сделала глоток жидкой каши. Возможно, это было самовнушение, но она почувствовала, как вместе с этим теплом в ее тело возвращаются хоть какие-то силы.

<http://bllate.org/book/21372/2177832>